

Т. М. Николаева

«Бусый волк» Игорь
и «оборотничество» пушкинских героев

О некоторых странных особенностях в поведении князя Игоря после побега из половецкого плена писали уже несколько раз. Прежде всего обращало на себя внимание преобразование его облика:

*А Игорь князь поскочи горнастаем къ тростию
и бълымъ гоголемъ на воду.
Въврѣжесе на брѣзь комонъ
и скочи съ него бусым вълкомъ.
И потече къ лугу Донца,
и полеть соколом подь мъглами,
избивая гуси и лебеди
завтроку, обьду, и ужине... **

То есть Игорь пытается вскочить на коня, но «сваливается» с него — *бусым вълкомъ*. Чувствуя некий загадочный инфернальный налет этой характеристики (метафора? намек?), В. А. Жуковский перевел это как «бесом-волком». В 1947 году акад. В. Я. Гордлевский высказал предположение об оборотничестве князя, основываясь на значении аналогичного тюркского выражения (Гордлевский 1947). Само это выражение В. А. Гордлевский возводит к тюркскому сочетанию *bôz kurt* — 'волк-оборотень'. Волк считался родоначальником тюрков, их тотемным предком. Однако, как замечает В. А. Гордлевский, «Босый» — таинственное, тотем-

---

* Текст «Слова о полку Игореве» цитируется по изданию: «Слово о полку Игореве». М.: «Художественная литература», 1985.

ное слово... Волки ходили кругом; волк был обыкновенное животное. А вот «„босый волк“ — тюркский волк — наводил благоговейный трепет» (Гордлевский 1947, с. 333). Существенно также приводимое в этой же статье замечание о том, что епископ Кременский Лиутпранд (X век), ездивший послом к византийскому императору Никифору II Фоке, сообщал о болгарском князе Бяне, сыне царя Симеона, что он мог превращаться в волка и в любое другое животное (там же, с. 331). И другие исследователи «Слова» обращали внимание на возможный переход бежавшего и как будто бы спасшегося Игоря в некий иной таинственный статус. Так, И. Клейн сравнивает Донец, через который переправляется Игорь, с рекой мертвых Стиксом, переправа через который есть переход из царства живых в царство мертвых (Клейн 1976). В это же примерно время сходную мысль высказывает и Н. С. Демкова: «...плен князя Игоря интерпретируется автором в системе образов „Слова“ как „смерть“, а его бегство из плена — выход, выход из „смерти“, из другого мира» (Демкова 1979).

При внимательном чтении текста можно найти много подтверждений в поддержку этой гипотезы — возможно, убедительных, но, конечно, не доказательных (да и как в данном случае можно говорить о доказательствах?)

1. Текст «Слова» строго симметричен — как композиционно, так и семантически. Осью этой симметрии мы считаем плен и мольбу Ярославны. В первой части «Слова» русские только едут, сидя на конях; Игорь ведет войско. Анималистические глаголы и конструкции достаются на долю половцев — восточного врага, изображенного как звериная стая, без героев, без индивидуальности:

*А половцы неготовами дорогами
побѣгоша къ Дону великому;
Гзакъ бѣжитъ стрымъ влькомъ;
по Русской земли прострошася полвцы, акы пардуже гнѣздо...*

Во второй части волком бежит сам Игорь, а на конях едут половецкие ханы: Гзак и Кончак. Они разговаривают вполне рассудительно, тогда как в первой части половцы издают некие нечленораздельные, анималистического характера звуки:

*Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а
храбрии русици преградиша чрълеными щиты.*

2. В первой части природа, особенно Солнце, угрожает Игорю, причем эта угроза вполне персонифицирована: *Солнце ему тьмою*

путь заступаше. Во второй части Игорь сливается с природой, вступая даже в беседу с рекой-Донцом. Ярославна обращается именно к природным стихиям, так как Игорь бросил вызов им, при этом Солнце она упрекает, а реку просит, и река отвечает (см. повторение глагола *лельять*).

3. Побег Игоря в тексте предваряется рассказом о необычайном князе-волхве Всеславе Полоцком, который *въ ночь вълкомъ рыскаше; скочи вълкомъ до Немиги съ Дудутокъ; великому Хрѣсови путь прерыскаше...* Более того, об его оборотничестве говорится прямо, так как сказано, что днем он судит людей как князь и управляет городами. Всеслав Полоцкий скачет *лютымъ звѣремъ*, что так же загадочно, как и *бусымъ вълкомъ*. Дело в том, что по этому поводу существует много гипотез, принятие каждой из которых влечет за собой серьезные научные расхождения. Так, *лютый звѣрь* может истолковываться и как общегенерическое словосочетание, и как вполне конкретное: медведь? волк? рысь? барс? лев? Наконец, оно может быть общим в одном тексте и конкретным в других, причем в каждом тексте иметь неповторяющееся (или необязательное для других) значение. Наконец, само словосочетание может быть нетерминологическим, а значимо лишь его квалифицирующее прилагательное — *лють*. (См. об этом развитие разных вариантов идентификации и соответствующую литературу в недавнем блоке статей в «Балто-славянских исследованиях»: Сумникова 1986; Иванов 1987; Топоров 1988.)

В первой же части Игорю сопоставляется неудачливый предок — Олег Святославич. Совпадают целый ряд лексем, в том числе и описание движения — Олег также едет на коне, в его облике нет ничего inferнального. Текст о князе Всеславе перекликается с текстом о побеге Игоря очень точным набором перекличек, лексемами: *полночь, мгла, скочить волком.* Все это наводит на мысль о неслучайном наложении рассказа именно об этом князе, который даже не является предком Игоря.

4. Игорь находится как бы в странном состоянии — между бытием и небытием: *Игорь спитъ, Игорь бдитъ...*

5. В бегстве Игорь пересекает реку. На значимость этой аллюзии уже обращали внимание.

6. В тексте «Слова» при описании подготовки бегства есть странное предложение *Князю Игорю не быть!* По этому поводу высказывалось много соображений, но какая-то недоговоренность все-таки оставалась. Так, В. И. Стеллецкий (Стеллецкий 1955), обсуждая возможную интерпретацию: Игоря там не было, или он

не понял зова и т. д., связывает все же эту фразу с последующим аористом *кликну*.

7. Сама поэтика «Слова» во многом опирается на суггестивность. См. знаменитую дискуссию о белке / мысли. Мы высказывали предположение о тернарной модели как одной из основных в тексте «Слова». То есть X в одних случаях есть только X, в других — это очевидно Y, а в третьих — автор как бы оставляет неясным, затуманенным решение вопроса, что же это — X или Y. Примеров тому очень много, и останавливаться на этом сейчас нецелесообразно. Поэтому точных указаний автор «Слова» в подобных случаях никогда не дает. *Sapienti sat!*

8. И в тексте о Всеславе, и в тексте о побеге Игоря часто присутствует лексема МГЛА. Эта лексема, в отличие от ТУМАНА, ОБЛАКА и под., часто связывается в русских текстах, особенно поэтических, с завесой в некий иной мир, время мглы — это как бы *temps du passage*.

Необходимо напомнить также, что спасение Игоря — дело рук любящей женщины, Ярославны, функция которой в интересующем нас смысле амбивалентна. Она не спасает его каким-то обычным способом (побег, подкуп), но, строго говоря, предает его, обращаясь именно к тем стихиям, которым он бросал вызов и знаменами их пренебрегал. И в то же время она спасает его морально, положив конец чрезмерной гордыне и беспримерному вызову. Ранее мы уже высказывали мнение, что со «Слова» ведет свое начало вся совокупность именно русских литературных доминант: дерзкий вызов во имя индивидуальности, спасение через любящую женщину. Более того, указывалось на содержательное сходство в этом плане «Слова» и «Преступления и наказания».

Влияние «Слова» на Пушкина, готовившего комментированное его издание, посещавшего лекции в университете, наконец, серьезно беседовавшего о нем за три дня до дуэли, было темой и статей, и даже книг. Нашей задачей является выявить текстовые переключки со «Словом» в пушкинских текстах, причем переключки глубинно-семантические, а не только поверхностные цитаты. Таких совпадающих содержательных компонентов много: это сны пушкинских героев, во многом перекликающиеся со сном Святослава Всеволодовича, это тема: Пушкин и Боян, это и принцип изображения восточного врага, шире, изображение битвы, это и размышление о том, как начать поэму, это и «летающий волшебник» (Всеслав — Черномор), и многое другое, но, пожалуй, самое главное — это тема Творчества и тема Судь-

бы (предзнаменование — вызов, часто бессмысленный, — ответ Судьбы).

Как у большинства писателей этого времени, у Пушкина есть и простая сюжетная травестийность: Дубровский называет себя Дефоржем, Дон Гуан — доном Диего, Григорий Отрепьев становится Лжедмитрием. Но в некоторых случаях возникает и такой же мерцающий, как и в «Слове», намек на некоторое не совсем обычное преобразование героя, когда можно говорить и уже о теме оборотничества.

Назовем три таких сюжета:

I. Возвращаясь домой с усыпленной княжной, Руслан засыпает в открытом поле и видит странный сон, который Пушкин называет вещим. Сон Руслана удивительно напоминает самые современные сюжеты, вроде «Жизни после смерти» и под. Людмила, падая, исчезает в темной глубокой бездне:

*Знакомый глас, призывный стон
Из тихой бездны вылетает...
Руслан стремится за женой;
Стремглав летит во тьме глубокой...*

Далее Руслан попадает в гримлицу Владимира, которая по всем признакам напоминает царство мертвых:

*И все сидят не шевелясь,
Не смея перервать молчанья.
Утих веселый шум гостей,
Не ходит чаша круговая <...>
И видит он, среди гостей,
В бою сраженного Рогдая:
Убитый, как живой, сидит;
Из опененного стакана
Он весел, пьет и не глядит
На изумленного Руслана.*

Загадкой этого сна является то, что мы не знаем, когда именно героя убивает Фарлаф? В момент убийства *Руслан не внемлет; сон ужасный, как груз, над ним тяготел*. Сон прерывается тем, что *смертельный хлад объемяет спящего героя*. Но неясно, когда именно нанес свой удар Фарлаф: состояние сна и видение конкретного сна — разные вещи. В рассказе о сне Руслана упоминается и вещий Баян, певец героев и забав. Это как бы текстовая указка,

ключ. Дальнейшая судьба Руслана как будто бы очевидна. Под ут-ро он пал *недвижный, бездыханный*. И далее:

*Лежит он мертвый в чистом поле;
Уж кровь его не льется боле,
Над ним летает жадный вран...*

Вещий старец-финн кропит его сначала мертвою водой, потом живой. И вот последующая скачка князя с Черномором за седлом, как кажется, напоминает скачку Игоря после побега:

*Уж князь готов, уж он верхом,
Уж он летит, живой и здравый,
Через поля, через дубравы.*

II. Подобно Игорю и Овлуру, скачут по степи Мазепа и Карл.

*Верхом, в глуши степей нагих,
Король и гетман мчатся оба...
Пред ними хутор.*

Снова возникает тема странного сна: то ли сон, то ли явь (странный сон Руслана; спит-бдит у Игоря). *Но сон Мазепы смутен был. В нем мрачный дух не знал покоя*. Сразу же после этого эпизода (а сон у пушкинских героев — это обычно кульминационная точка в сюжете) встает тема волка-оборотня. На хуторе Мазепа встречает обезумевшую от горя Марию. Сначала за волка она принимает казненного отца:

*Она за тайну мне сказала,
Что умер бедный мой отец,
И мне тихонько показала
Седую голову — творец!
Куда бежать нам от злоречья?
Подумай: эта голова
Была совсем не человечья,
А волчья — видишь, какова!*

Однако образ оборотня начинает двоиться: Мария начинает принимать за волка-оборотня (вурдалака) самого Мазепу:

*Я принимала за другого
Тебя, старик, оставь меня.
Твой взор насмешлив и ужасен.
Ты безобразен. Он прекрасен:
В его глазах блестит любовь,*

*В его речах такая нега!
Его усы белее снега,
А на твоих засохла кровь.*

III. Странное, близкое к чему-то нечеловеческому начало в Онегине описывалось и анализировалось, как правило, в связи со сном Татьяны, когда Онегин является перед ней главой страшного, «босхианского» застолья. Онегин ассоциируется с Ванькой Каиным, главой адской шайки. «Бесовское прошлое Онегина увидела Татьяна во сне, где он возглавляет бесовскую шайку» (Абрам Терц 1993: 118). Его интерпретируют и как трикстера, двойника культурного героя, озорника, «непрерывно вносящего хаос в ту организацию, которая им самим и создана» (Маркович 1981). Он же и доктор Фауст, пирующий в кабачке Ауэрбаха. Он же и святой Антоний, так как страшные чудища застолья сходны с страшными ликами «Искушения святого Антония» И. Босха (Боцяновский 1921; Маркович 1980 и 1981). Он как бы одновременно и Ангел-хранитель, и Коварный искуситель. Наконец, Онегина видят Амуром, а Татьяну — Психеей (Тамарченко 1987), Нарциссом (Маркович 1980). Загадочной оказывается и фраза *Она должна в нем ненавидеть убийцу брата своего?* Чьего брата? Если несостоявшегося брата Татьяны (мужа сестры), то сюжет сна восходит к убийству свойственников на пьяном пиру. Если же речь идет о некоем «братстве» Онегина и Ленского, то возникают ассоциации с Каином и Авелем.

Петербуржскому эпизоду в этом плане обычно внимания не уделяют. Он ассоциируется как симметричная теза к эпизодам начальным: Татьяна влюбляется, пишет письмо, выслушивает «урок». В конце — все наоборот. Но, судя по тексту, эта безусловная симметричность в каком-то смысле относительна, хотя бы по временной протяженности финального эпизода. А он довольно длительный и имеет свое течение. В начале петербургского эпизода поведение Онегина — это обычное поведение светского влюбленного мужчины, увлеченного замужней женщиной:

*В тоске любовных помышлений
И день и ночь проводит он...
Он счастлив, если ей накинёт
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ее руки...*

На Татьяну это поведение не действует никак. Онегин начинает бледнеть, *Уж не чахоткой ли страдает*. Постепенно чувства его становятся серьезней: больной, измученный, он пишет письмо, где смешаны раскаяние, невыносимость искренних страданий, условия: *Я утром должен быть уверен, что с Вами днем увижусь я и что-то от первых этапов увлеченности: Пылать — и разумом все-часно / Смирять волнение в крови; / Желать обнять у Вас колени...* Но и на это ответа нет. Он пишет второе письмо, третье. И тут наступает очень долгий период перерождения. Проходят долги зимние месяцы чтения, подлинных страданий, размышлений и мечтаний. *И постепенно в усыпленье / И чувств, и дум впадает он.* Вновь к Татьяне едет он весной, уже на мертвеца похожий. И только теперь, когда она видит *Его больной, угасший взор*, Татьяна говорит с ним. Таким образом Онегин проходит долгий и мучительный путь какого-то близкого к смерти анабиоза. И преобразование наступает. Онегин становится как бы обретшим ясновидение. Сон Татьяны не случайно является центром композиции романа. Описывая дуэль, Пушкин говорит о нем:

*Как в страшном непонятном сне,
Они друг другу в тишине
Готовят гибель хладнокровно...*

Суггестивная неясность русской безартикуловости дает возможность понять и как — в к а к о м-н и б у д ь страшном сне, и как — в том самом страшном сне. Прошедший через ад страданий Онегин обретает род ясновидения. В книгах он *меж печатными строками / Читал духовными глазами / Другие строки. В них-то он / Был совершенно углублен. / То были тайные преданья / Сердечной, темной старины / Ни с чем не связанные сны... (!)*

Таким образом, по нашему мнению, Онегин избавляется от своей бесовской оборотнической природы благодаря любящей женщине, которая одновременно и спасла его, и лишила его какого-то собственного индивидуального начала. Это ведет уже к сложной проблеме, были ли спасательницы — Ярославна и Татьяна — Далилами и что делает подлинное страдание: освобождает от личности или помогает ее обрести?

Литература

- Абрам Терц 1993 — *Абрам Терц*. Прогулки с Пушкиным. СПб., 1993.
- Боцяновский 1921 — *В. Ф. Боцяновский*. Незамеченное у Пушкина // Вестник литературы, 1921, № 6—7.
- Гордлевский 1947 — *В. А. Гордлевский*. Что такое «босый волк»? // Известия АН СССР, Серия литературы и языка, 1947, т. VI, вып. 4.
- Демкова 1979 — *Н. С. Демкова*. Повторы в «Слове о полку Игореве» (К изучению композиции памятника) // Русская и грузинская средневековая литература. Л., 1979.
- Иванов 1986 — *Иванов Вяч. Вс.* К проблеме 'лютого зверя' // Балто-славянские исследования 1984. М., 1986.
- Клейн 1976 — *И. Клейн*. Донец и Стикс // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976.
- Маркович 1980 — *В. М. Маркович*. Сон Татьяны в поэтической структуре «Евгения Онегина» // Болдинские чтения 1979. Горький, 1980.
- Маркович 1981 — *В. М. Маркович*. О мифологическом подтексте сна Татьяны // Болдинские чтения 1980. Горький, 1981.
- Сабаляускас 1986 — *А. Сабаляускас*. Литовское liūtas 'лев' // Балто-славянские исследования 1984. М., 1986.
- Сумникова 1986 — *Т. А. Сумникова*. О словосочетании *лютый звѣрь* в некоторых памятниках восточнославянской письменности // Балто-славянские исследования 1984. М., 1986.
- Стеллецкий 1955 — *В. И. Стеллецкий*. К изучению текста «Слова о полку Игореве» // Известия АН СССР, Серия литературы и языка, 1955, т. XIV, вып. 2.
- Тамарченко 1987 — *Н. Д. Тамарченко*. Сюжет сна Татьяны и его источники // Болдинские чтения 1986. Горький, 1987.
- Топоров 1986 — *В. Н. Топоров*. Вокруг 'лютого зверя' (голос в дискуссии) // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.

Данная работа выполнена в рамках общей проблемы: «„Слово о полку Игореве“ и пушкинские тексты» при поддержке Международного научного фонда.